

Екатерина Анищенко

Любовь в Сибири

УДК 82-3
ББК 84-4
А67

Анищенко Е.

А67 Любовь в Сибири / Екатерина Анищенко. – М.: Литнет, 2026. – 250 с.

ISBN 978-5-521-98463-3

В стенах Сибирской Академии разворачивается история о Мире Райш и Артёме Король – людях, чьи судьбы, словно два полюса, тянутся на встречу друг другу, но столь неспешно и холодно, как бушующая стихия. Мира – замороженная река, которая строит между собой и Артемом невидимую стену.

Он, яркий и дерзкий, ищет путь к её сердцу сквозь холод предрассудков и недоверия. И только когда зима утихает, а сердце трепещет в груди, становится ясно: истинная любовь – не иллюзия, а пробуждение души, способное разрушить любые стены.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-98463-3

© Литнет, 2026

© Анищенко Е., 2026

ПРОЛОГ

Так бывает, что с самого утра всё идёт не по плану. Вселенная устраивает заговор против одного человека с единственной целью – вывернуть его жизнь наизнанку. И неважно, хочет он того или нет.

Но вопреки законам природы Мира Райш демонстрировала выдающиеся способности человеческого организма. Особенно ярко это проявлялось в период сессии, когда пришлось переделывать придиричивому преподавателю курсовую работу менее чем за сутки. Концентрация достигла максимума благодаря внушительной дозе кофе и энергетиков при минимальных четырёх часах сна. Сердце колотилось так сильно, будто собиралось крикнуть: «Моя остановка!» – и выскочить в окно, чтобы отдышаться.

В день итоговой сдачи она провела бессонную ночь и потому проспала, пропустив звон будильника и телефонные звонки от подруги. Носилась по комнате словно стихийное бедствие, разыгрывающееся в миниатюре. Пыталась одновременно натянуть не глаженную рубашку и почистить зубы. Но увы, человек – существо примитивное и обладает всего лишь двумя руками, что в такие моменты кажется досадным ограничением. Третьей руке нашлось бы применение, хотя бы для того, чтобы в конце концов аккуратно причесать волосы. Внешний вид напоминал иллюстрацию живописца-сюрреалиста, но даже с уродливым пучком на голове и отсутствием косметики выглядела, ну, скажем так, миленько.

Собрав по кусочкам курсовую работу, бежала со всех ног, одновременно пытаясь прочесть заключение. В запасе оставался примерно час. Если поспешит, должна успеть. Миру слегка потряхивало, желудок сводило спазмами – настолько сильно боялась преподавателя по конституционному праву. Сколько ни готовься, непременно завалит на какой-нибудь мелочи. Ходил слух, что за последнее десятилетие лишь трое студентов получили на экзамене отличную

оценку, причём двое из них были родственниками сотрудников администрации академии. По завершении курса Мира торжественно поклялась немедленно сжечь тетради с лекциями и навсегда забыть этот кошмар длиною в целый год.

Взбодрившись стаканчиком мятного чая из ближайшей чайни, Мира запрыгнула в уходящий троллейбус, который, как на зло, тут же угодил в серьёзную пробку. Зелёная банка на колёсах ползла медленнее улитки, да ещё город замело. Впереди трудились снегоуборочные машины, расчищавшие огромные сугробы, навалившие за ночь. Полчаса стояли неподвижно там, где при обычном движении потребовалось бы всего десять минут. Мира использовала это время для обращения к молитве и просьбы о высшем вмешательстве.

Пассажиры плотно утрамбовывали друг друга, пытаясь протолкнуться вперёд, оттаптывая обувь соседа, зажимая руки и выгибая ноги под невозможным углом. И среди всей этой толчеи мятный чай чудом не пролился – судьба приготовила сюрприз на десерт.

Холл Академии принял классический вид конца учебного дня: шумные очереди к автомату с кофе, к принтеру с вечно застрявшей бумагой, к расписанию с обновлёнными экзаменами. Отряхнувшись от снега, Мира решительно направилась к винтовой лестнице, минуя гардероб, где невозможно протолкнуться из-за желающих сдать и забрать верхнюю одежду – там царил хаос в лучших традициях: кто-то кричал «Кто взял мою куртку?! Это не моя!», кто-то пытался пролезть без очереди, а медлительная гардеробщица из сектора Б, как всегда, громогласно призывала соблюдать порядок и правильно подавать одежду.

Никто особо не желал уступить дорогу, вынуждая Миру идти нарочито медленно. Особенно задерживала группа молодых ребят, похоже, с факультета связи и рекламы, увлечённо обсуждавших какую-то захватывающую новость. Мира деликатно притормозила, опасаясь случайно уткнуться кому-либо в спину и стать героиней сериала про неуклюжую студентку, потерпевшую неудачу на глазах десятка студентов.

Мокрые ботинки усовершенствовали бетонный пол, сделав из него натуральный каток, придав финальной перчинки этому весёлому утру. Скользнув на последней ступеньке, Мира ухватилась за поручень, едва удержавшись на ногах, но поплатившись за это и без того небрежным видом. Пятно чая раскрасило белую блузку, моментально привлекая взгляды окружающих.

– Супер, просто великолепно, – выдохнула Мира, даже не пытаясь скрыть досаду. – Главное, курсовая работа цела.

Спрятав злорадно хихикающую кляксу под шарфом, она неслась по уже опустевшему коридору.

Именно тогда Артём впервые обратил на Миру внимание – на старшекурсницу, скользящую на грани падения, но сохранившую грациозность, которой позавидовали бы балерины Большого театра.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Коридор кафедры конституционного и муниципального права практически пуст – мелькали лишь редкие тени, да где-то вдалеке стучали каблуки. Студенты старались не задерживаться здесь надолго, словно опасаясь навлечь на себя гнев стен, впитавших стоны отчаяния и слёзы над зачётными книжками не одного поколения. Казалось, даже воздух здесь тяжелее – пропитан запахом старых учебников, кофе из автомата и неистребимым чувством тревоги.

– Мира, где тебя носит?! – сокрушалась Аня. – Звонила раз двадцать!

– Я проспала, – Мира торопливо вручила ей куртку, пытаясь отдышаться после бега по лестнице. – Легла вчера около четырёх.

– Ложись около одного в следующий раз, – Аня скептически приподняла бровь, отпустив грязную шуточку. – Не справляешься с четырьмя. Оставили без сил бедняжку.

– Знаешь, иногда недостаток одного приводит к пересдаче всей группы, – парировала Мира, поправляя растрёпанные волосы. – Грымза тому подтверждение.

– Так поделись с ней, – Аня оценила ход мысли, хмыкнув. – Представляешь, пятерых на комиссию отправила!

– Правда?

– К сожалению, да. Даже в деканате сказали: это уже перебор. Староста ходила за нашу группу договариваться на дополнительную попытку. Не отчисляться же из-за курсовой!

– Не могла позже такие новости сообщить? Заходить теперь страшно, – призналась Мира, глубоко вдохнув воздух, будто перед прыжком в ледяную воду. – Перед смертью не надышишься. Так ведь говорят?

– Подожду здесь, – решила Аня, прислоняясь к стене и скрепя руки на груди. – Так спокойнее. Мало ли, снова у неё сорвётся

нерв с поводка, и начнёт метать методички. У Грымзы с контролем гнева явные проблемы – то ли дело старый профессор Иванов: тот хоть кричал, но хотя бы не грозился отправить всю группу на пересдачу из-за того, что не знают предмет лучше него.

Главное событие месяца – День студента у юридического факультета – началось скверно. Будто проклятие легло на каждого третьего студента Грызминой Людмилы Ивановны, прозванной ласково и нежно Грымзой. Выходили из её кабинета настолько опустошёнными, словно столкнулись с дементорами, вытянувшими всё счастье, оставив лишь одно желание – утопиться в Оби или утопить горе в стакане сорокаградусного напитка сегодня вечером.

– Здравствуйте! Можно войти? – голос дрогнул, но Мира заставила себя выпрямиться.

Ответ прозвучал низким контральто, проникающим прямо в душу, будто холодный металл по стеклу:

– Любители ушли, остались профессионалы.

– А? – Мира, немного колеблясь, толкнула дверь, чувствуя, как ладони становятся влажными.

– Быстрее! Чего встали, будто дверью ошиблись? – Грымза поманила костлявым пальцем, и этот жест заставил Миру похолодеть, словно голодной собаке нужно сунуть руку в пасть. – За годы практики встречала разных студентов, но сидеть и ждать, когда одна барышня соизволит сдать комиссионную работу... Вы большого мнения о себе, Мирослава Райш?

Мира сглотнула, чувствуя, как пульс стучит в висках. Кабинет Грымзы казался сейчас чем-то вроде зала суда – тёмные шкафы с папками, строгий портрет первого ректора на стене, а в центре – стол, за которым восседал секретарь дьявола, сжимая в руке красную ручку, как оружие.

– Пересдача в расписании стоит с десяти до часу, – Мира чувствовала, как кровь застывает в жилах. Вид Грымзы буквально парализовал, лишив уверенности в собственных силах и знаниях. – Ещё двадцать минут.

Брови Грымзы резко взлетели вверх, отчего даже чёлка заметно шевельнулась, обнажая глубокие морщинки на лбу. Впервые за время курса их взгляды пересеклись. Преподаватель медленно, с нарочитой тщательностью, осмотрела дерзкую студентку сверху вниз, словно изучала червяка под микроскопом.

– Я просила приходить группой, – с удовольствием напомнила. – Наверное, занимались доработкой ошибок в мельчайших деталях? Впрочем, сейчас посмотрим. Давайте сюда.

Мира медленно подошла к столу, ощущая, как ладони покрываются липким потом. Курсовые работы других студентов лежали аккуратными стопками рядом, а поверх них – Конституция.

– Почему зашли в верхней одежде? – уставилась на Миру одним косым глазом, вторым параллельно сканируя страницы, будто голубь, сменяя фокус между ними каждые полсекунды.

Ходит легенда, будто бы Грымза действует строго по законам средневековых трибуналов: несогласившихся с низкой оценкой отправляет на казнь прилюдно, предварительно доведя до слёз публичной поркой знаний. Тех же, кто лицом или внешним видом не приглянулся, ожидала участь вечных скитаний по коридорам академии на пересдачу пока что-то не изменится в настроении. Мира как раз чувствовала себя кандидатом на очередное аутодафе.

– Это шарф, – тихо ответила она.

– Студенты утратили всякое уважение! Доктор наук вынуждена смотреть на это... Даже слов нет. Разве юрист может так одеваться на важное мероприятие?

– Меня на лестнице облили чаем, – пояснила Мира, мысленно сделав вывод, что Грымзе не помешало бы посетить районные суды. Испытала бы культурный шок, увидев адвокатов в джинсах с протёртыми коленями и растянутых свитерах, судей в тапочках под мантией и секретарей в леопардовых рубашках.

– Оттого работа как внешний вид. Запятнала вашу честь, – констатировала Грымза, небрежно бросив на стол папку. – Готовьтесь к отчислению, Райш. Отвратительная работа.

Мира залилась краской, хлопая растерянно ресницами. Перед глазами моментально возникла картинка, как стоит в спецодежде и кричит в громкоговоритель: «Двойной чизбургер, две картошки фри и диетическая кола – можете забрать заказ!».

– Я считаю, моя работа неплохая, – вырвалось неосознанно. Мира войдёт в историю, если выдержит словесную перепалку с Грымзой. – Использовано много практики, сравнительных диаграмм и таблиц.

– Уверены? Предыдущие ошибки исправить не соизволили. Слышали о существовании знаков препинания? Точка после цифры один в оглавлении! Если не соблюдены простейшие правила оформления, о чём вообще может идти речь? – Грымза, будто волк, играющий с добычей, неожиданно смягчила тон, добавив в него потаённую угрозу. – Понимаю ваше замешательство. Знаете, в наше время многие приходят учиться, думая, что диплом – это всего лишь формальность. Но поверьте моему опыту: истинное образование заключается вовсе не в лекциях и семинарах, а в борьбе за право называться профессионалом. Именно эта борьба разделяет тех, кто пойдёт дальше, и тех, кого мы вынуждены отправить в свободное плавание. Так сказать, искать себя. Так скажите, студентка Райш, какой была бы ваша мечта, если бы вдруг не отчислили?

Мечты Миры таяли, будущее, которое совсем недавно считала возможным, зависело от одного человека.

– Моя мечта? – неожиданно растерялась Мира, чувствую приступ паники. – Я хотела стать хорошим специалистом, помогать людям...

– Нытьё! Мне нужны факты, аргументы, чёткий анализ. Хотите остаться здесь – докажите, что достойны, – наступило скорбное молчание. Давление, оказанное Грымзой, оказалось сильнее Миры. – Что ж, время пересдачи, как верно меня заверили, подходит к концу. Последующие вопросы решать будет деканат.

– Как? Вы даже текст не смотрели!

Мира вкладывалась в курсовую по полной программе: дни напролёт просиживала в пыльной университетской библиотеке, лишала

себя сна, перепроверяя каждую запятую. Надеялась на заслуженный высокий балл, но Грымза зажала даже маленькую «троечку».

– Вы находитесь в высшем учебном заведении! В Президентской академии! – произнесла Грымза чрезмерно пафосно. – Нужно соответствовать уровню. Такие студенты, как вы, портят статистику. Если бы действительно хотели учиться, не пришлось бы ходить ко мне на пересдачи, – она ненадолго замолчала, давая шанс осознать тяжесть положения. – Вы пока ничего не заслуживаете, кроме пожелания: удачи в следующем учебном году.

Внутри Миры всё кипело от несправедливости. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки, а глаза защипало от подступающих слёз. Но она глубоко вздохнула, расправила плечи и твёрдо сказала:

– Я могу ответить на любой вопрос по исследованной теме!

– Воздержусь. Не люблю драму, – отрезала Грымза с ледяной усмешкой.

Неожиданно дверь беззвучно открылась. На пороге возник Ангел-Хранитель – так окрестила Мира преподавателя по уголовному праву. Павел Геннадьевич, известный среди студентов уникальным чувством юмора и нелюбовью к серьёзному выражению лица, сумел растопить даже чёрствое сердце Грымзы. Обычно такая неприступная и жёсткая женщина приобретала цветущий и нежный вид. Лицемерно-очаровательная дама.

– Здравствуйте... – протянула жалобно Мира.

– Мирослава, чего нос повесила? Людмила Ивановна обижает? – весело подмигнул, делая вид, что внимательно изучает календарь на стене. – Между прочим, Мирослава – моя лучшая ученица на потоке. Чего только стоит доклад о «Нетрадиционных методах расследования» – заслуживает аплодисментов стоя! Представляете, раздобыла настоящий артефакт из архива Следственного комитета – случай реального привлечения экстрасенса к расследованию преступления, пусть и безрезультатного.